

Пролог

Зверь выбрался из леса на закате. Остановился, осторожно принюхиваясь.

Запахи — единственное, что он сейчас впитывал. Зрение и другие чувства ещё не вернулись, на это всегда уходило много времени после перерождения. Разве что ощущалось, как внутри тела растворяются сущности пойманных в лесу людей и прочих тварей, которые теперь давали ему жизнь. Удачная вышла охота...

Сколько времени прошло с тех пор, как Зверь ушёл вглубь леса и затаился, готовясь к новой метаморфозе? Десять лет? Двадцать? Лес вокруг не менялся, как и небо над головой, звёзды или солнце. Невозможно было вычислить, да Зверь и не пытался. Сейчас он просто хотел заново начать жить.

Вокруг пахло перегноем, влажным мхом, туманом. А ещё — горячим асфальтом, бензиновыми испарениями. Лапы погрузились во что-то мягкое и прохладное. Зверь замотал головой, пытаясь уловить ориентиры. Наконец — нашёл. Медленно направился на запахи, которые манили его.

Через минуту или две Зверь подошёл к трассе и замер в траве, выжидая. Он снова начал трансформироваться, как умел. Лапы укоротились, шерсть втянулась, по морде прошла мелкая рябь, стирая черты и вырисовывая новые. Прошла минута или около того, а Зверь уже был не зверем, а обнажённым человеком — лысым, нескладным, с пустыми провалами вместо глазниц.

Человек втягивал носом воздух. Повернул голову налево, в ту сторону, откуда показался из-за поворота одинокий велосипедист. Тот ехал в город, ни о чём не подозревая. Ведь это только в сказках и фантастических фильмах из леса вдруг может появиться чудовище. В реальной жизни такого не бывает... по крайней мере, так наивно думали многие до встречи со Зверем.

Он вышел на трассу, когда запах велосипедиста был уже совсем близко. Приготовился к прыжку. Оскалил новенькие, только что отращенные клыки.

И прыгнул.

Часть первая

Где-то у моря, через две недели

1

В этом городе было много дыма, маленьких домиков и старых заборов. Дороги — непривычно пустые. Улицы — тихие. Про автомобили здесь не знали или давно забыли. По крайней мере, несколько человек, встретившихся на пути, с удивлением провожали взглядом старый вишнёвый «Форд», тархтевший на первой передаче по рассыпающемуся в крошку серому асфальту и мелкой гальке.

Не самое лучшее место для детей. Если в этот городок кто и заглядывал, то только для того,

чтобы остаться навсегда. Последняя дорога уставших путников на берегу моря.

— Мне кажется, это и есть тот самый край света, — сказала Вика, поглядывая в окно.

Она говорила так о каждом крохотном городке, который проезжали. Очень ей хотелось закончить, наконец, путешествие, остановиться. А путешествие не заканчивалось вторую неделю.

Тошик не ответил. Он поглядывал на шарик из блестящей фольги, лежащий на панели за рулём. Шарик бы обмотан посередине толстой красной нитью, и свободный конец этой нити скользил по нагретому пластику, словно живой, словно это красная змейка искала выход из автомобиля, хотела вырваться из душного салона и уползти на свободу, в траву или куда-то ещё, подальше отсюда.

— Как город называется? — бубнила с заднего сиденья Вика. — Мы вообще проезжали какую-нибудь табличку?

— Рыбацкий или Рыбачий. Что-то про рыбу. — Тошик вспомнил бетонный обелиск на въезде, изображающий то ли рыбу, то ли огурец. Обелиск, как положено, был старый, потрескавшийся, у его основания пучками росли рыжие кусты. — Море справа, полкилометра. Соль, чувствуешь? На губах. В воздухе.

Вика шумно втянула крохотным носом воздух.

— Ленка-пенка о чём-то таком и говорила, — сказала она. — Мы сами должны почувствовать, что приехали.

Сквозь окно без стекла вползал тяжёлый жаркий воздух — действительно, с привкусом соли. Кондиционер в машине не работал.

Тошик не подозревал, что постоянная, тягучая жара вот так запросто может свести его с ума. Две недели назад, в начале путешествия, было ещё по-весеннему прохладно, а воздух если и прогревался днём градусов до двадцати, к вечеру неизменно остывал, становилось промозгло и неприятно, и от того негде было спрятаться. Сейчас всё иначе. Теперь мечталось о прохладе.

Вика, помолчав, сказала:

— Есть хочу.

Это означало, что через пять или десять минут она начнёт проситься в туалет, помыть руки, передохнуть, высморкаться, прилечь на мягкую кровать — много чего начнёт просить, лишь бы выбраться ненадолго из автомобиля и размять ноги.

Ей было всего шесть. Сложно требовать от ребенка быть терпеливой и рассудительной. То-

шик это понимал — головой, но иногда очень хотелось, чтобы Вика была взрослой. Хотя бы ненамного. Как Вовка Зацепин или Ленка-пенка, например. Взрослость рождает ответственность. Раньше он и не подозревал, каково это — постоянно возиться с ребёнком.

Но ей было шесть. А Тошику три месяца назад исполнилось шестнадцать. Пропасть. Он — взрослый. Она — мелкая. Он — понимает, что происходит, а она — всё ещё фантазирует. Любит танцевать, беззаботно подпевать весёлой песенке из радио, играть с куклой Лялькой, которую прихватила с собой (расчёсывает волосы, укладывает спать, переодевает, как же это по-девчачьи!).

Это только в книжках можно посадить ребёнка рядом с собой и объяснить ему несколько простых истин: двое детей отправились неведомо куда, чтобы найти непонятно что. Вернее, сначала их было пятеро... Да и цель вполне себе логичная — разыскать место, где можно оживить маму. Она же как Спящая красавица, только ей не нужен поцелуй принца, а нужен Дом, тот самый, из сказок...

Что ещё? За ними гонится существо, которое называют Забытым Зверем, а в багажнике лежит... даже думать страшно... И в книжке

шестилетка всё обязательно поймёт с первого раза, начнёт вести себя по-взрослому, перестанет задавать миллион наивных вопросов, перестанет просить остановки каждые два часа, не будет капризничать, требовать внимания и вести себя как типичный капризный ребёнок. Но не в настоящей жизни. Тут всё сложнее, Тошик уже понял. Простыми словами не обойтись, нужны действия и поступки.

Глупо было требовать от Вики быть персонажем сказки. Все простые истины испарялись из её светлокудрой головы со скоростью света. Ничего серьёзного не задерживалось. Вот и сейчас...

— Есть хочу, — повторила Вика и в её голосе зародились первые звонкие капризные нотки. — И пить. Холодной кока-колы. Интересно, в этом городе вообще знают, что такое кока-кола? Может быть, тут одной рыбой питаются?

Легче было сделать так, как хотела Вика, в этом Тошик давно убедился. Он не мама, не воспитательница и не няня. Да и не готов был к такому повороту в своей жизни. Всего месяц назад Тошик собирался окончить десятый класс, подтянуть две тройки по географии и истории, а потом отправиться в летний лагерь вместе

с друзьями-одноклассниками. А в лагере, если признаться, он хотел познакомиться поближе с рыжей Катькой Ольховой, подружиться, там, обменяться телефонами, всё такое... В его планы точно не входило путешествие на край света с малолетней сестрой на заднем сиденье.

Тошик свернул на обочину, вдавил педаль тормоза. Под колёсами захрустел гравий.

Дорога была узкая, неровная, извивалась до самого горизонта, обставленная с обеих сторон крохотными одноэтажными домиками, синими и серыми заборами, утыканная фонарными и электрическими столбами, как линияль старый ёж. Среди серого безлюдного однообразия выделялось невдалеке тёмное здание с широким крыльцом и даже с велосипедной парковкой. Над крыльцом висела табличка с надписью «САМОБРАНКА».

Вика выскочила первой. Перебежала на тротуар, присела перед цветами с ярко-рыжими бутонами.

— Смотри, какая красотища! Можно сорвать? На память! Я решила — хочу оставлять на память что-нибудь из каждого города, где мы останавливаемся. Можно?

В её кудрявую голову каждый день приходили новые мысли. Генератор нелепых мыслей.

— Завянут, — ответил Тошик, выбираясь из салона в вязкое желе духоты. — Нам придётся их выбросить. Вот и вся память.

Если подумать, воспоминания похожи на цветы. Они тоже вянут — их тоже выбрасывают. К концу жизни под ногами оказывается ковёр из высохших бутонов, стебельков и листьев, на которые ложится человек, чтобы погрузиться в вечный сон смерти.

— Я всё равно сорву. Один. Маме. — Вика дёрнула стебель, потянула, сдирая листья, надломив цветок и оторвала его. — Это будет подарок, когда мамочка проснётся.

— Сомневаюсь, что она проснётся... сегодня.

— Вечно ты ворчишь. Не знаю, что с тобой делать.

Мама всегда так говорила, когда расстраивалась от их плохих поступков.

Тошик посмотрел на Вику, которая нюхала сорванный цветок. А ведь она была очень похожа на маму — характером, внешностью, вот этой вот беззаботной лёгкостью и фантазиями. Кругом давящая на мозги жара, пахнет морем (настоящим, солёным, едким до безобразия), духота невыноси-